

The background is a vibrant blue with a watercolor-like texture. A large, bright yellow sun is partially visible in the top left corner. A white silhouette of a person is shown in a dynamic, jumping or falling pose, holding a long white pole that extends upwards to a white crescent moon. The overall composition is artistic and evocative.

Маргарита
Пальшина

ДЕТИ АПРЕЛЯ

{ лирика разных лет }

Маргарита Пальшина

Дети апреля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27350083

ISBN 9785448593642

Аннотация

Стихотворения из книги публиковались в литературных журналах «45 параллель», «Особняк», «Белый ворон», «Поэтоград», «Новый континент», становились финалистами всероссийских и международных конкурсов и фестивалей «Золотая строфа», «Славянские традиции», «Славянская Лири», «Эмигрантская Лири».

Содержание

Синяя тетрадь	7
На рассвете	7
Рыжая осень	9
Город дождей	11
Легенда	13
Край Земли	16
Над рекой	18
Покаяние	20
Родителям	22
В доме твоём	23
Прости!	25
Неприкаянность	29
Февраль	31
Не-	33
Две столицы	34
Любить	36
Небесный сценарист	38
Сочинитель	40
Без цвета	42
Невозвратность	44
Посередине	46
Белый	48
Пустое небо	50

Пленница дождя	52
Осень. Регтайм	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дети апреля

Маргарита Пальшина

Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Маргарита Пальшина, 2017

© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-9364-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕТИ
АПРЕЛЯ

Синяя тетрадь

На рассвете

Кто-нибудь проснётся на рассвете,
Улыбнётся, приоткрыв глаза,
Пьёт он чай с мечтой о лете,
Чистый, словно поутру роса.

Кто-нибудь после бессонной ночи,
Проведённой в спорах ни о чём,
Похмельиться утра свежестью захочет
И устало распахнёт окно.

Кто-нибудь спит сладко на рассвете
И, наверное, цветные видит сны...
Солнце одинаково всем светит,
На земле считает дни твои.

Чудеса приходят на рассвете,
Тоненькими шпорами звеня.
Новый день настанет – чист и светел,
Голубыми далями маня.

(Карелия, 1996)

Рыжая осень

Осень – девчонка рыжая
Косы свои расплела,
Любимого парня, бесстыжая,
Она у меня отняла.

За парнем тем я, не думая,
Пошла бы на край земли,
Его я сама придумала,
Слепила из песен и тьмы.

Он сторожем нежным, невидимым
Надёжно мой сон охранял,
Но осень его увидела
И за собой увела.

Дорогой дождей и туманов
Он с осенью вместе ушёл.
И золотом листопадов
Мне осень платила за боль.

Мелькнула зима над крышами,
Бушует вовсю весна.
И осень, девчонку рыжую,

Давно уж простила я.

Теперь я сама бесстыжая,
И парни моих подруг
Польстятся на волосы рыжие
И вместе со мной уйдут!

(Карелия, 1996)

Город дождей

В этом городе вечная осень,
Никогда не кончается дождь,
Здесь никто ни о чём не просит,
Здесь никто ничего не ждёт.

Плачет небо над мёртвым гранитом,
Для тоски нет закрытых дверей,
Все мечты людьми позабыты,
Растворились в их хмурой толпе.

А душа стосковалась по лету,
Вся израненная болит,
Не хватает ей солнца, света
И цветов в придорожной пыли.

Робко просит, почти умоляет,
Словно нищая у кабака,
О любви, о встрече случайной,
По тебе стосковалась она.

Ты придёшь ко мне в дождь, в непогоду,
И смахнешь с лица капли дождя,
Обниму тебя у порога

И скажу, что давно ждала...

(Карелия, 1996)

Легенда

Крылья бабочки смочит дождь,
Хочешь, я расскажу тебе сказку
О судьбе одной, где всё – ложь,
Где ни капли тепла и ласки?

Дом стоит у дороги. Ночь
Распахнула над ним объятья
Крылья бабочки смочит дождь,
Только в дом ей не достучаться.

Не горит уже в окнах свет,
Дом один, на краю Вселенной,
Сил лететь у бабочки нет,
Но кому до неё есть дело?

Эта бабочка чья-то душа,
Не нашедшая в мире приюта,
Ищет свой она свет из окна,
Но лишь дождь прекратит её муки.

Крылья бабочки смочит дождь...
Ты не любишь грустные сказки?
Но тогда чего же ты ждёшь?!

Не жалеи ни тепла, ни ласки!

Но закроешь окно, я знаю.
Все мы слепы к страданиям других.
И однажды, судьбу проклиная,
Будешь плакать у окон чужих...

(Карелия, 1996)

Одиноким огромный город
Ледяным одеялом укрыт.
Снег кружится почти не больно,
Я стою у окна – город спит.

Рыжий свет фонарей затерялся
В полумраке улиц кривых.
Ожидания привкус остался
На губах пересохших моих.

Этой ночью мне что-то не спится,
Грусть тягучая, как молоко.
Что-то всё же должно случиться!
Эта ночь, как немое кино.

Все вокруг как-то приторно, пресно,
Жизнь, как выдохшееся вино,
Старомодная, грустная песня,
Но она о любви всё равно.

(Карелия, 1998)

Край Земли

Где-то там, на краю земли
Звёзды срываются в океан.
У причала – белые корабли,
Только жизнь – это ложь и обман.

И глаза твои в зеркале заднего вида,
В них – усталость и пустота,
Тебе кажется – это обида,
Кто-то скажет, что это судьба.

Это медленно осень уходит,
Скоро снег заметет все мечты,
Одиночество вокруг дома бродит,
Посмотри – повсюду его следы!

Ты с тоскою смотришь на листья,
Что танцуют над черной рекой,
Тебе кажется, что-то случится.
Нет. Дни твои обрекли на покой.

И опять ты спешишь куда-то,
Только жизнь – это замкнутый круг,
Все равно ты вернёшься обратно,

Где начался этот странный путь.

Ты стремишься вдаль, и так любишь
Бесконечность своей мечты.
Так торопишься жить – и губишь
Тем свои земные часы.

И тебе то смешно, то больно,
Словно нет тебе места нигде.
Равнодушные только жизнью довольны,
Может, взять с них пример и тебе?

Бед не зная, идти за толпою.
Говорят, край земли – обман,
Только хочешь ты быть той звездой,
Что срывается в океан.

(Карелия, 1999)

Над рекой

Над рекой шалью белой – туман,
Я в тумане мечты свои спрятала,
Чтоб уже никогда-никогда
Над иконою тихо не плакала.

Пусть в зелёную бездну морей
Солнце падает уж без меня.
И отчаянный клич кораблей —
Не услышать уже из окна.

Что же, спросишь, останется мне?
Бег троллейбусов, ругань прохожих,
И в апреле шальная капель,
Что так нервы мои растревожит.

Город, где-то совсем на окраине,
Редкий луч желтоглазого солнца.
И зачем мне дороги бескрайние,
И зачем ночевать, где придётся?

Будет день, по часам расписанный,
С крыш домов мне в ладони литься
Сон спокойствием будет пропитанный,

Будет не на что больше злиться.

Будет дом всегда одинаковый,
Будет кто-то любить, но не сильно.
Любоваться не буду закатами,
Но зато буду выглядеть стильно.

И потянутся дни столетьями.
Нет, не счастлива буду – довольна.
Буду чай пить с мечтой о лете я,
Буду жить, наконец, спокойно!

(Карелия, 1999)

Покаяние

Обманула весна презренная,
Не надежды дала – прозрение.
В суете преклоню колени я:
Покаянье – без откровения.

И молитва не получается,
И свеча не горит – оплавляется,
И душа моя больше не мается,
Боль в морщинках моих растворяется.

Лица встречные – чёрно-белые,
Сны ослепшие и несмелые.
Вспоминать не хочу – возвращаются,
Уходя навсегда, не прощаются.

Все дороги где-то кончаются,
Посредине пути – не сбывается.
Половина души – не считается.

(Карелия, 1999)

А за плечами – купола церквей
Я знаю, в моём доме не погасят свечи
И будут ждать случайной весточки скорей,
Молясь своим богам о новой встрече.

Быть может, кто-то тоненько вздохнёт,
Взглянув, как утекает время с циферблата,
Но только у меня есть тысячи дорог,
Помимо сотни, пройденной когда-то...

(Карелия, 2000)

Родителям

Проведи меня бескрайними полями
К той черте, что целует небо.
Где давно меня ждать устали,
Те, в кого я верю так слепо.

Отдохнуть на скамейку присело
Меж весною и летом время.
Протяну я руку несмело,
Разрывая прощания бремя.

А глаза у них цвета солнца,
В доме детством сиреневым пахнет.
И тогда, может быть, все вернется,
В сердце тонкой струною ахнет.

(Карелия, 2000)

В доме твоём

В доме твоём, где закат
И рассвет – всегда на север.
В доме твоём, где мечта
Умерла, и не во что больше верить.

В доме твоём, где без слёз
Я плакать училась.
В доме твоём все всерьёз
Строили – не получилось.

В доме твоём, где любовь
Между ненавистью и страстью
Заблудилась и ищет кров —
Перетерпеть ненастье.

В доме твоём теперь
Нет меня. И скрипит уныло
Не закрытая мною дверь.
Сколько раз я уже уходила!

В доме твоём циферблат
Утренним солнцем раскрашен.
В доме твоём зеркала

Хранят отражения наши...

В доме твоём тишина
Поминальные ставит свечи.
В доме твоём тень моя
Поселилась, пока я – далече.

В доме твоём – нет меня,
Путь в твой дом – бесконечен.

(Карелия, 2000)

Прости!

Как нелегко сейчас сказать «Прости!»
За те бессонные рассветы осени прошедшей,
За то, что вдруг заставит вновь уйти,
Когда весны подует ветер сумасшедший.

Прости, что за окном холодный снег,
И сердце всё не хочет петь – устало.
Прости, что засыпаю на твоём плече,
Хотя и знаю, что мне этого ничтожно мало.

Прости, что раны старые трещат по швам,
За безысходную попытку излечиться,
За то, что разрываюсь пополам
Меж тем что уж случилось и должно случиться.

Прости за то, что все мои печали
Ты терпеливо разделил со мной.
Прости за всё, что мы друг другу не сказали,
И не смогла я стать твоей весной.

Прости за то, что декаданс вношу
Во всё, к чему лишь прикасаюсь,
За то, что я раскаянья ищу,

В бреду похмельном только маясь.

Прости... И больше нечего добавить.
Я счастья никому не приношу.
Хотела краешек надежды я оставить,
Но оставляю только чёрную тоску....

(Карелия, 2000)

В маленькой комнате с окнами в небо
Сердце, не требуй белых ночей!
Пусть только кони небесные белые
Спят на ладони раскрытой моей.

Я не люблю этот цвет. Слишком часто
Боль моя белого цвета была.
Жаль, сплошняком в переулках Арбатских
Белым – картины, на раме – цена.

В маленькой комнате с окнами в грозы
Все перепутано завтра-вчера.
Раньше меня не любили в прозе,
Ну, а теперь не любят в стихах.

(Москва, 2002)

Грязный уставший город
Из ливня по капле пьёт.
Надышишься красотой,
Теряя за вздохом вздох.

Дождь – это твои мысли,
Смещение календарей,
Шаги по краешку жизни
Неслышные феи твоей.

Временем фея с портрета
Смотрит на дно веков.
Сине-зелёное лето
Близ Патриарших прудов.

Солнечный луч на рояле
Белом, как облака.
В сине-зелёные дали
Музыка льётся нежна...

Жаль, что волшебник создавший
Иллюзию прожитых дней,
Мечтою своей надышавшись,

Не сможет притронуться к ней.

(Москва, 2002)

Неприкаянность

Неприкаянность цвета синего,
Одиночество в лунной комнате.
Прозвенит в тишине голос ближнего —
Зацеплюсь за него, как за облако.

Как живёшь? Да нет, не исполнилось,
За меня свечи ставит город.
И мечты, словно дети безродные
Безнадёжно по улицам бродят.

Корабли – мои белые птицы
Заржавели в порту от боли.
И теперь даже им не приснится
Океанского ветра воля.

Скажешь ты: Я сама придумала
Этот мир из причудливых линий,
А реальность – проще, уютнее,
здесь никто не рисует синим...

Как бы ни было, если протянутся
Километры жизни меж нами,
Тишина пусть ночная взрывается

Иногда твоими звонками.

(Москва, 2002)

Февраль

Слишком много было февраля,
Начинать ничего не хочу.
Нитку тонкую оборвала,
Ты – потонешь, а я – полечу.

На губах и ресницах – февраль
Обволакивающей тоской.
Под ногами – мокрый асфальт.
Ты души моей окна закрой.

Сколько окон таких в ночи
Горькой, тайной обидой светят
Непонимания сквозняки
Создают все ветра на свете...

Не укрыться от этих ветров,
В чужом доме – всегда февраль.
Двери заперты на засов,
А сквозь щели струится печаль.

Нет названья болезни моей,
И лекарства никто не выдумал.
В этом мире лживых теней

Счастье нам даётся лишь искрами...

Затянулась дорога домой —
Сотни миль по тонкому льду.
Ты души моей окна закрой,
Я хоть каплю тепла сберегу.

(Москва, 2002)

Не-

Голубой, потухший вечер
Солнце умерло вдали.
От предчувствия невстречи —
– лёд кусочками в крови.
Разбросало нас по миру
Быстро повзрослели мы.
Не заставить играть Лиру
Состоянье нелюбви.

Ощущение боли
Не пропеть, не прокричать
Я живу, как зверь в неволе,
На несон обречена.

Нарастает-убывает,
Словно стон из-под земли
Нет, не жалость и не память.
Осознание ВИНЫ.

(Москва, 2002)

Две столицы

Он стоял на распутье меж двух городов,
Угадать пытаюсь, какой будет сниться.
Он дорогу спросил у седых облаков,
Облака потянулись в столицу.

Сотни битв за плечами, и вот, наконец,
В золотых куполах утопает небо.
Гордо жителя первопрестольной венец
Он примерил, как странником не был.

Перестал он закат над степями писать,
Лишь Москвы гранитные стены рисует.
Изумрудом купюры в руках уж блестят,
Только сердце всё также тоскует.

Он подумал: сестра,
Но чужой этот кров
Он мечтал, что жена,
Продается любовь.
Из картины изъяли душу,
Не спастись от гранитных оков.

«Ты беги! А не то продадут по частям,

Кисти, краски, глаза и руки», —
Так сказали ветра, он поверил ветрам,
И впервые был счастлив разлуке.

Ветры с севера дули и звали скорей,
Где в Невы зеркалах отражается вечность,
А над ней Питер плавит янтарь фонарей,
Отрицая жизни беспечность.

Гордый граф, его светлый взгляд —
– самый чистый речной песок.
Правда в замках его жива,
Но отвержен он и одинок.

Принимает он всех у себя,
Но не станет топить камин.
Лишь обеды с его стола
Предлагают гостям дорогим.

Брось, художник! Вернись домой,
Там весна будет только твоей,
Хранят стены очерк твоих теней,
Только там обретешь ты покой.

(Москва – Петербург, май 2002)

Любить

В чужом лице тебя увидеть вновь,
Предчувствуя твоё не первое рожденье.
В другой любви твоя живёт любовь,
И песен не твоих с твоими песнями сплетенье.

И в отголосках снов и слов
Твои я мысли снова слышу.
И домом ставший чужой кров
Твоими запахами дышит.

И ласка рук – других, любимых...
Твоим теплом озарена.
И их глазами ты незримо
С укором смотришь мне в глаза.

Твой образ вездесущ и вечен.
На перекрёстках памяти дорог
Сжигаю феникса, но пепел
Храню и возрождаю вновь.

И на века сердец скрещенье,
А я прошу лишь избавленья.

Порой бывает, кровоточит нежность,
Как рана, открывается при каждом шаге.
Её я зашиваю так небрежно,
И истекаю жалостью к больной собаке.

Но жалость с нежностью сплетаясь воедино,
Для сердца всё же недостаточно горьки.
Есть пострашнее пытка для безвинных:
Терзанья неосознанной вины...
Вы это чувство называете «ЛЮБИТЬ»?

(Москва, 2004)

Небесный сценарист

На пороге зимы: бессонница,
Водка, боль и усталый вздох.
В снегопад небеса откроются
На пороге земных эпох.

Сценарист небесный бездарно,
Сразу набело пишет жизнь...
И вот уже чья-то старость,
Не нашедшая в себе смысл.

Нелюбимые дети скитаются
По дорогам больших городов.
Сценарист от похмелья мается:
Вдохновенье его ушло.

Отсчитывают столетия
Часы над рабочим столом,
Хотел бы создать он гения,
Но пишет всё о простом.

О том, что кто-то работает,
Кому-то рожать детей,
С житейскими их заботами

Истории подлинней.

И образы словно сливаются

В одно земное лицо.

Героями не рождаются

Зимой, на пороге эпох...

(Москва, 2004)

Сочинитель

Два дня без дождя:
Ни много, ни мало.
Два дня без тебя —
– и лето устало.

Два дня я не сплю,
В мой дом опустевший
Вливается воздух,
Впитавший всю нежность.

По полустанкам,
залитым светом,
Бродит твой голос
В поисках лета.

Два дня без надежды.
Сквозь дым сигареты
Все мысли мои
Врастают в небо.

Мой город из камня
– и лезвие в ножны.
Иллюзии детства

Защиты под кожу.

Сто прожитых лет
Терять не научат.
Безумцев – их нет,
Есть те, кому скучно...

Нет смысла в словах,
И ложь – в очертаниях.
...Давать имена —
– наверно, призвание....

(Москва, 2004)

Без цвета

Предрасветье ломает сны
Смысла нет в чёрно-белом фрагменте,
Ощутить невозможность весны
В днѣй засвеченной киноленте.

Ощутить неподъѣмность век
И беспомощность кончиков пальцев,
Осознать, что СЕГОДНЯ – нет,
Падать и высоты не бояться.

Осознать безысходность дорог
И бессилие устремлений,
Немощь мыслей своих и слов
И бессмысленность пробуждений.

И объять безнадежность побед,
И отнять у мечты своей строфы.
А потом, завернувшись в плед,
Заварить себе крепкий кофе.

Зачеркнуть невозможность весны
И начать в сотый раз всё с начала.
Вернуть цвет в предрасветные сны

И поверить, что не устала.

(Москва, 2004)

Невозвратность

Невозвратность прикосновений
Меж рингтонами будничных дней.
Снов преступных лёгкие тени
Соберу я в руку скорей.

И босою шагну на рассвете
По сверкающей льдом росе.
Но роса моя хлынет на ветки
Слезами несбывшихся фей.

И деревья безмолвно заплачут,
Провожая слепую луну.
Притворюсь, что иду наудачу,
Что узнала в лицо мечту.

Воскрешу её и подкрашу,
Чтоб прощаться нам не пришлось.
Я поверю: терять не страшно!
И тогда улыбнётся дождь...

Посильнее сожми травинку,
И в ладонь потечёт белый сок.
Так стихи – мои половинки

Рассыпаю у ваших ног...

За вину мою и невинность

Мне прощенье дарует Бог.

(Москва, 2005)

Посередине

Эта осень уходит в небо..
Нервный срыв – и ни слова бумаге.
Этот город, в котором ты не был —
Лишь преграда от ветра из камня...

С нами наши мечты постарели,
Наши промахи стали серьёзней.
Я всё также боюсь апреля,
А стихи превратила в прозу.

Я стою ровно посередине,
Позади моросят дожди.
А когда-то всё было впервые,
Птицы белые – корабли.

Сентябрит. Лихорадит душу.
На вопросы ответов нет.
Даже если слышать – не слушать,
Одиночеством меряю век.

И сама себе отвечаю,
И жалею сама себя.
Середина моей печали,

Вся она – целиком моя...

(Москва, 2005)

Белый

(Марине Цветаевой)

Безутешность в пустых глазницах окон.
В твоём доме разорвана связь времён:
Вскрытой болью скрипят половицы,
С запylённых зеркал неисполненным сном
«Wagum?» не звучит – струится...

Твоей лестницей в лето
Иду сквозь ненастья.
Родиться поэтом —
Не грех, и не счастье.
И надо мной – твои облака,
Словно безжизненная рука.
Падаю в небо. Не испугаться!
Вновь говорю себе.
И не остаться...
В доме из белого камня стена.
Бога там нет, есть лишь петля,
Но заслужить её я не смогла.

«Бог не в домах из камня и дерева,
Он – в нас самих», – я в это поверила.

Падаю внутрь себя.
Но там, как в колодце —
– темно и холодно.
Эхом не отзовется
Душа – замурована.
Я – перетянутая струна,
Лопнет, заменят на новую.

Я не одна, но не понята.
Любят меня, как постороннюю.
Не началась, не закончилась.
Каждое слово – обрывок мечты.
Родиться поэтом позволено,
Все потерявшим в начале пути.

(Москва, 2005)

Пустое небо

Пусть тёмно-синие дома
Роняют электрические слёзы
И плачут золотом окна,
Но на излёте лета несерьёзно
Молить, чтобы от осени тропинка отвела.

Сквозь шторы просочится белый день,
Затопит грязный город облаками.
За облаками вдруг заплачет чья-то тень,
Которую мы видеть перестали.

Мы все пророков ищем лишь в себе,
Нам этой ложью молоко по капле разбавляли.
И не от этого ли тяга к красоте?
Мы все – творцы, нам это с детства завещали.

Был властелином Он когда-то на земле,
Но потеснили мы Его на пьедестале.
Мы научились большему. Но в суете
Мы дверь с петель души своей сорвали.

Итог столетия – пустые небеса!
Мы смотрим внутрь себя – на дно колодца.

Упорно ищем объяснений Чудесам.
Но Он ушёл из нас и больше не вернётся.

(Москва, 2006)

Отлегло, отболело, ушло.
И захлопнулись ящички памяти.
Сорок лет на земле прошло
Морозящим дождём по капельке.

Не искать, не бороться, не ждать.
Боль ложится не первым снегом.
Визы не дали умирать,
Жизнь по комнате бродит без дела.

Не скорблю, не люблю, не гоню.
Не поэт, не художник, не маг.
Я подобно лесному ручью
Все теку и теку просто так.

(Москва, 2007)

Пленница дождя

В самом сердце дождя
мир рождается заново.
У безмолвия я учусь говорить.

И безумием сна
со дна самого-самого
Я хотела себя исцелить.

Как хочу я дотронуться до тишины!
В голове – голоса, отголоски войны.

Я хочу рисовать безнадежность и душу,
И нелепый кусок под названием «Суша».
Века гнева и льда,
но пока – «не пора».
Лишь по-прежнему мчат поезда
В город тот, что давно разрушен.

(Москва, 2007)

Осень. Регтайм

Странно, не правда ли? Осень в июле...

Жёлтым рябины ветка горит.

Жёлто за тех, кого обманули,

Жёлто за тех, кого не исцелить.

Жёлто за всё, что уже догорает,

Желто за всё, что уже не болит.

Жёлтый кирпич по краешку рая,

Жёлтое солнце смеётся вдали...

Осень в глазах поселилась.

Пропасьть небес, самолёт...

Помнишь, я тебе снилась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.